

Содержание

ВЕСНА 1910 года	7
Аптека, улица, фонарь...	
ЛЕТО 1912 года	53
Кошерное золото	
ОСЕНЬ 1909 года	108
Нехорошая квартира	
ЗИМА 1912 года	183
Десять дней зимы	

Посвящаю эту книгу моей жене Ане, моей музе
и главному мотиватору, с благодарностью
за ее неизменное «пиши дальше».

Не знают, не понимают, во тьме ходят.

Псалом 81:5.

ВЕСНА 1910 года

Аптека, улица, фонарь...

Лужица крови, расплывающаяся вокруг головы лежащего на земле человека, в желтом фонарном свете казалась черной, будто мазутное пятно. Мужчина, стоящий у еле угадывающейся за пределами светового круга дощатой двери, наклонился к телу, проверил пульс, вздохнул и принялся собирать с земли сорванные с бельевых веревок не то пеленки, не то простыни. Методично, одну за одной, он поднимал их, встряхивал и аккуратно развешивал по местам. Закончив, он вернулся к бездыханному телу, достал из кармана ключ, отпер дверь, подпер ее каким-то чурбаком и, примерясь, чтобы не запачкаться, подхватил под руки труп и скрылся с ним внутри. Вернулся буквально секунд через двадцать-тридцать, огляделся, так и не попав сам под свет фонаря, и бесшумно закрыл за собой дверь. Где-то неподалеку начала отсчитывать время часовая кукушка, всполошив невидимую собаку, залившуюся истошным лаем. Тут же скрипнула дверь, и кто-то прохрипел сдавленным полусшепотом:

— Цыган, едрить твою, прости господи! А ну, замолчь! Ей-богу, утоплю скотину!

Цыган обиженно всхлипнул, твякнул в последний раз, погромел цепью, видно, прячась в будку, и вокруг снова стало тихо.

***

Осень пролетела в хлопотах — обустроивались на новом месте, привыкали к провинциальному ритму жизни, развешивали фотографии и занавески, навели бытовые, но важные знакомства: с булочниками, модистками, цирюльниками — людьми хоть и не всегда спокойными, но мирными, к криминальной среде никоего касательства не имеющими. Вроде бы только разобрали узлы и чемоданы, а уже улицы замело непривычно белым для петербуржцев снегом. А вот первая зима тянулась невыносимо долго: в отличие от круглосуточно бодрствующего Петербурга, маленький и уютный Елец ложился вместе с солнцем, а оно, как всем известно, зимой работает в четверть силы. Вот и город редко гасил окна позже шести пополудни, и лишь уличные фонари, нахолившиеся галки на заборах да поджимающие под теми же заборами хвосты бездомные собаки слегка оживляли ночной пейзаж. Потому Константин Павлович с огромным воодушевлением встретил грохот ломающегося на Сосне* льда — с воодушевлением и с надеждой на то, что вместе с рекой пробудится и местная жизнь, удлиняясь минута за минутой вдогонку за световым днем и за уплывающими вниз по течению седыми льдинами.

И в первую же елецкую весну, как только сошел снег, посветлела в реке вода и высохла бурая уличная грязь, сложилась у Константина Павловича традиция: после утреннего кофе он, если позволяла погода, выходил из дома, спускался мимо громадины Вознесенского собора по Миллионной к реке, кланяясь по пути знакомому, подолгу потом стоял на берегу, гля-

---

* Правый приток Дона, на котором стоит Елец.

дя на рыбацкие лодочки и ползущие через Сосну по дальнему мосту поезда, постояв, поднимался обратно к себе на Торговую, усаживался с утренней газетой на скамеечку напротив синематографа «Экспресс» и читал, вдыхая ароматы свежей выпечки. Дочитав, возвращался домой, предварительно забрав из булочной уже по обыкновению приготовленный для него сверток, а дома уж ожидали его привычный завтрак и неизменно улыбчивая Зина.

Нынче погода позволяла — ливший всю ночь дождь перед рассветом успокоился, а утреннее майское солнце на пару с ветром умудрилось даже подсушить тротуары. Лучше и не придумаешь для последнего весеннего понедельника.

Сегодняшняя газета была по-провинциальному скудной на интересные новости. Хвалили новую картину «Коробейники», показываемую в том самом «Экспрессе», перепечатывали столичную хронику, целый разворот посвятили елейностям относительно благодетельствовавшего городской парк новшествами. Константин Павлович пробежался по объявлениям: Маршалы пока еще привыкали к новым реалиям, и Зина, к примеру, все никак не могла подобрать портниху. Половину газетной страницы занимала реклама Липецкого курорта — расписывались чудодейственные свойства местных минеральных вод, торфяных ванн и припарок, даже крупным шрифтом была пропечатана цитата профессора Боткина: «Грязь — это будущее Липецка». Константин Павлович мысленно пожелал приятному и очень ухоженному городу все-таки избежать такого будущего и поежился от воспоминаний о той самой прославляемой воде.

В самом начале мая, когда день уже подрос достаточно для продолжительных поездок, побывали они

с Зиной в соседней губернии, в том самом Липецке. Городок произвел на Константина Павловича очень благоприятное впечатление — тихий, зеленый, покойный. Пожалуй, даже еще уютнее, чем Елец. На улицах удивительно чисто, будто ты не на тамбовщине, а где-нибудь в Саксонии.

Заселившись в курортную гостиницу (целью поездки были те самые воды и грязевые ванны), супруги прогулялись по местному «Невскому» проспекту, поотражались в витринах довольно приличных лавок, вышли к набережной канала, очень благоустроенной, без единой прорехи в мостовой и с электрическими фонарями, сделали небольшой круг через чудесный парк в английском стиле и вывернули к небольшому новенькому бювету с белыми колоннами. Внутри, в прохладе и под тихое, успокаивающее журчание, милая смотрительница в белом переднике и крахмальном чепце специальным ковшиком набирала изпод струи целебную воду в стеклянные стаканчики и подавала страждущим. Таковых было довольно много — то ли неожиданная жара способствовала, то ли и вправду вода обладала чудодейственной силой, но пришлось даже немного подождать своей очереди. Получив стакан, Маршал недоверчиво понюхал содержимое. Пахло серой. Посмотрел с сомнением на Зину — та уже свою порцию выпила, и явно с удовольствием. Но у Константина Павловича взаимности с липецкой лечебной влагой не случилось — он сделал осторожный глоток, вполголоса обозвал этот эликсир «водой с лягушками» и твердо заявил жене, что ни пить это больше не станет, ни в ванну с «будущим Липецка» не полезет. Особенно ежели после придется смывать грязь этой самой водою. Потому из приятных воспоминаний о Липецком курорте остались

у господина Маршала только семейная фотография от ателье Цаплина, ужин в гостиничном ресторане да пьянящий ночной аромат цветущей черемухи.

Наконец, перелистнув последнюю страницу, Маршал поднялся, опустил газету в урну, щелкнул крышечкой часов, дабы удостовериться, что не выбился из графика, и повернул в сторону дома. Но тут же споткнулся о пристальный взгляд. На соседней скамейке сидел хорошо одетый господин лет пятидесяти, очень театральной наружности: большой благородный нос с круглыми очками в тонкой золоченой оправе, из-под шляпы были видны остриженные в кружок молочно-белые локоны, а завершала образ окладистая седая борода — вылитый Тургенев. И этот тип, ни капли не смущаясь и даже оперев для удобства подбородок о набалдашник трости, совершенно спокойно разглядывал сквозь очки бывшего помощника главы столичного уголовного сыска. Но стоило лишь Константину Павловичу вопросительно приподнять бровь, давая понять, что он не одобряет такой бесцеремонности, как незнакомец быстро и даже несколько суетливо вскочил, шагнул к Маршалу, протянул руку и представился:

— Антон Савельевич Ильин, управляющий делами коммерции советника Заусайлова Александра Николаевича. Наверняка вам знакомо это имя? Я к вам, Константин Павлович.

Жить в Ельце полгода и не знать фамилию Заусайлова было невозможно. Табачная фабрика, винодельческое производство, меценатство, благотворительность и близкое знакомство с венценосными особами. Да и в выброшенной только что газете целая статья, полная восторгов, была посвящена ботаническому саду, устроенному купцом Заусайловым на

территории городского парка, — с павлинами, лебедями, миниатюрной копией Черного моря и оранжевой с экзотическими растениями (Константин Павлович как раз отметил для себя, что надо бы им с Зинаидой Ильиничной прогуляться там в ближайшее воскресенье). Удивительнее было то, что, судя по приветствию, и господин Маршал не являлся для Заусайлова персоной неизвестной, раз он подослал к Константину Павловичу этого господина со спокойным взглядом. Что-то одному из отцов города требовалось от его нового обитателя — что и не замедлило подтвердиться.

— Прошу прощения за такой способ знакомства, но мой патрон — человек деловой и условностям уделяет мало внимания, говорит, что они лишь мешают коммерции. И всем своим работникам данную привычку вменил в обязанность. Я бы хотел пригласить вас на завтрак. Уверяю, достойная еда — не единственная польза, которую вы можете получить, если примете это приглашение.

Константин Павлович «условностям» внимания уделял больше. Ему ужасно не нравилось свойственное многим его «прогрессивным» согражданам пренебрежение правилами этикета и чужой приватностью. С другой стороны, портить отношения с одним из самых влиятельных жителей города с самого начала собственного пребывания в этом городе тоже было не очень умно. Ну и имелась еще одна причина, пожалуй, наиглавнейшая, по которой Маршал отказался от желания указать «деловому человеку» его место, — очень уж скучал Константин Павлович в тихом и сонном купеческом Ельце. А здесь пахло какой-никакой, а загадкой. Потому вместо пикировки он пожал протянутую руку и сказал: